

Русская равнина в отражении космоса

А.Я. Аноприенко,

Кандидат технических наук, доцент;

Донецкий национальный технический университет, г. Донецк (Украина)

Данная работа может рассматриваться как непосредственное продолжение публикации [1], материалы которой были впервые доложены на пятой междисциплинарной научной конференции «Этика и наука будущего: жизнь во Вселенной» (Москва, 23-25 марта 2005 года). Именно в период участия автора в работе данной конференции окончательно оформились основные идеи об астроморфном характере основного планировочного замысла древней Москвы, что является ключевым элементом данной статьи. Уточнение некоторых деталей реконструируемой в данной работе восточноевропейской астроморфной модели было сделано в этом же году во время летней экспедиции автора по городам Золотого кольца.

В связи с тем, что рассматриваемые гипотезы предлагаются вниманию широкого круга читателей практически впервые, их изложение представлено в достаточно широком историческом контексте, что позволит оценить в должной мере масштаб и значение исходного замысла «земного отражения неба» и степень его влияния на культурно-историческое развитие европейской цивилизации.

Эволюция выделения и идентификации астроморфем

Видимый непосвященному наблюдателю хаос на звездном небе вызывает в первую очередь естественный вопрос о принципиальной возможности долговременной устойчивости в выделении человеком на небе астроморфем, т.е. когнитивно-значимых созвездий и их комбинаций. И действительно: довольно разный подход к выделению и идентификации астроморфем наблюдается в рамках тех сообществ, которые длительное время существовали в полной или частичной изоляции от других, что особенно наглядно проявляется у народов южного полушария. Однако в случае достаточно интенсивного культурного взаимодействия во всем этом многообразии прослеживаются вполне определенные закономерности и ярко выраженные общие черты. Особенно это характерно для народов Европы и непосредственно прилегающих к ней регионов Азии и Африки, имеющих преимущественно общую традицию в выделении зодиакальных и приполярных созвездий. Свидетельствует это в первую очередь о достаточно древнем возникновении такой традиции, а также – о ее широком распространении предположительно из некоторого единого центра. Вопрос о том, когда и где возникла эта традиция остается пока не решенным окончательно.

К середине прошлого века сложилось достаточно распространенное представление о том, что самые древние из известных сегодня созвездий были выделены и идентифицированы примерно в начале III тыс. до н.э. в регионе, лежащем в полосе широт от 35 до 40 градусов [2]. Шумеров при этом называли в качестве одного из наиболее вероятных народов, положивших начало современной традиции выделения созвездий. Однако уже в 90-е годы в качестве начального периода формирования современного зодиака стали определять IV и даже V тыс. до н.э. Особый интерес при этом представляет гипотеза А.Гурштейна [3], который вполне аргументировано предположил, что первоначальный зодиак сформировался примерно в середине VI тыс. до н.э. Причем, в качестве исходного региона выделения созвездий им однозначно определялся ареал общеиндоевропейской культуры. Данный вывод вполне согласуется

с представленными в работе [4] результатами по реконструкции хронологической когнитивной мегамодели, в контексте которой именно середина VI тыс. до н.э. рассматривается в качестве исходного пункта для зодиакального отсчета времени «от сотворения мира» (рис. 1).

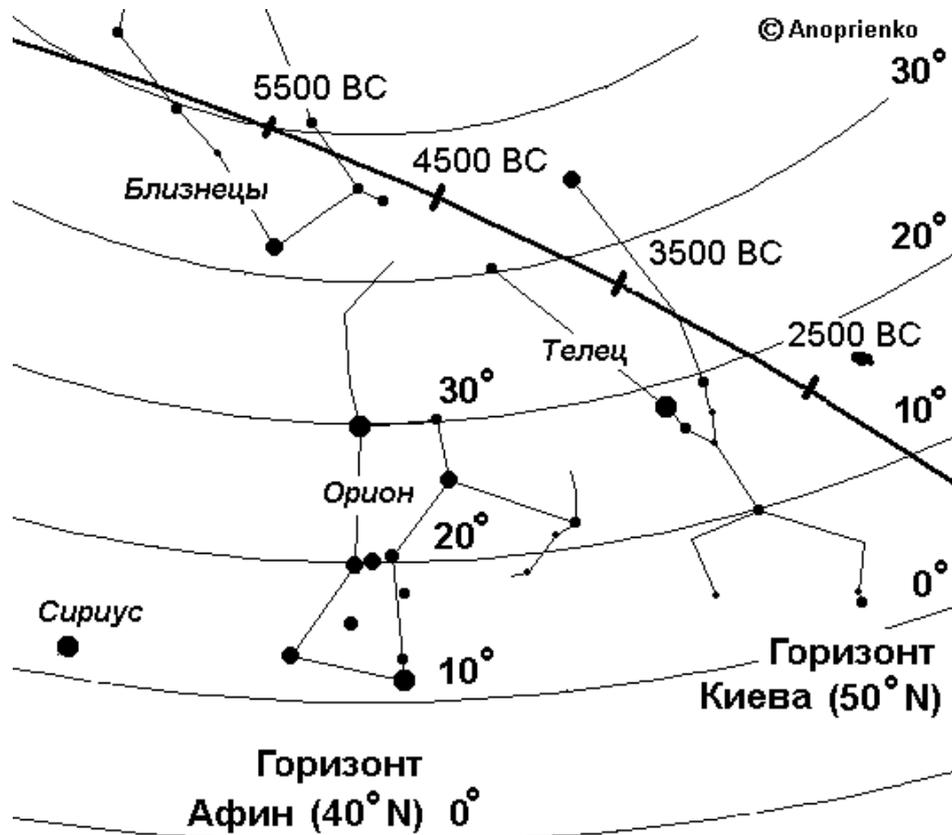

Рисунок 1 – Хронологическая мегакарта зодиакального летоисчисления «от сотворения мира»: вследствие прецессионного подъема Сириус и нижние звезды Ориона на широте Киева (50 градусов) стали полностью видны над горизонтом лишь примерно к 5500 году до н.э.

Однако довольно интересная и продуктивная гипотеза Гурштейна остается весьма критикабельной по множеству позиций и требует определенных уточнений. Многие ее положения, в частности о том, что Зодиак изначально состоял из 4-х «человеческих» созвездий (Близнецов, Девы, Стрельца и того, что впоследствии стало Рыбами), подверглись не менее аргументированной критике в работе [5]. Это явилось серьезным поводом для дополнительных исследований по данному вопросу в рамках астроморфной гипотезы.

Проведенные на базе компьютерного моделирования исследования позволили в порядке уточнения гипотезы Гурштейна сформулировать следующие предположения:

Во-первых, выделенность Близнецов и Девы с их достаточно яркими звездами и выразительными конфигурациями уже в древнейший период сомнений не вызывает, в отличие от Стрельца и Рыб, которые в этом отношении гораздо менее примечательны. А вот созвездие Водолея, включавшего в древности и одну из наиболее заметных звезд Фомальгаут, издавна привлекало к себе существенно более пристальное внимание [6, с. 233], что заставляет предпочесть предположение о первоначальной выделенности в зодиаке наряду с Близнецами и Девой именно созвездия Водолея.

Во-вторых, если последовательно придерживаться идеи Гурштейна о первоначальном не «зверином», а «человеческом» круге созвездий, то под этот критерий кроме Близнецов и Девы однозначно подпадает только созвездие Водолея, в то время как Стрельца изображают традиционно в виде кентавроподобного зверчеловека, а «человеческая» интерпретация созвездия Рыб носила крайне неустойчивый характер.

В-третьих, что представляется наиболее важным, в середине VI тыс. до н.э. расположение северного небесного полюса было такового, что небесная сфера отчетливо сегментировалась на три части весьма приметными астроморфемами в виде звезд Вега (вместе с близлежащими созвездием Геркулеса, антропоморфный вариант которого в виде шумерского Гильгамеша достаточно надежно фиксируется уже в конце IV тыс. до н.э.) и Арктур (вместе с созвездием Волопаса), а также – Ковша Большой Медведицы (рис.2). На эклиптике этим астроморфемам как раз и соответствуют три названных выше зодиакальных созвездия «человеческого» круга: Вега – Водолей, Арктуру – Дева, Ковшу – Близнецы. Именно этим, в частности, может объясняться первичная выделенность в пределах года только трех сезонов, а не четырех, как в настоящее время.

В четвертых, следующим этапом развития зодиака (по-видимому, уже во второй половине V тысячелетия до н.э.) стало дополнение его «звериными» созвездиями путем заполнения промежутков между «человеческими» астроморфемами, что привело к выделению в первую очередь созвездий Льва, Тельца и Скорпиона, а позднее (возможно уже в конце III тыс. до н.э.) – и остальных зодиакальных созвездий.

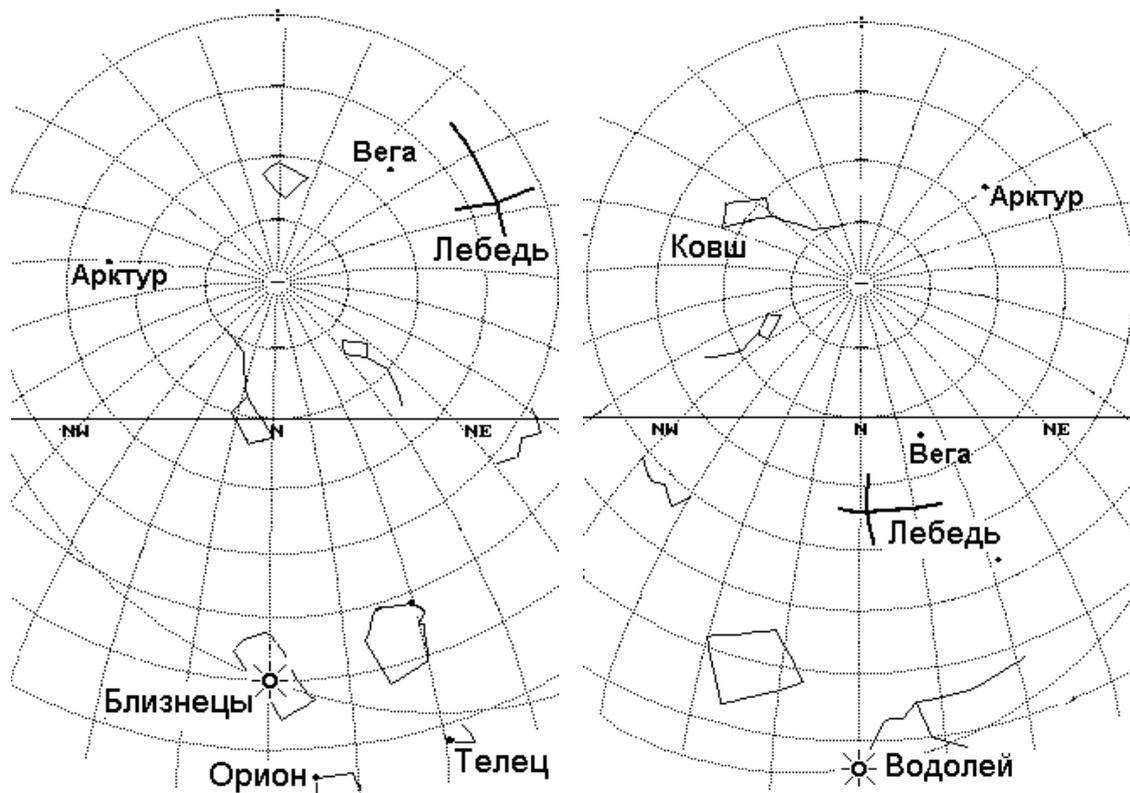

Рисунок 2 – Реконструкция структуры астроморфем приполярной области неба в полночь 5500 года до н.э. весной (слева) и зимой (справа).

В-пятых, одновременно с формированием «человеческого» круга на зодиаке особую роль начиная с VI тысячелетия до н.э. стало играть созвездие Ориона –

наиболее астроморфное из всех звездных фигур, благодаря своему расположению как бы несущее на себе эклиптику (см. рис. 1) и ставшее поэтому прототипом мифологического Атласа, имя которого в свою очередь отнюдь не случайно было перенесено на сборники географических карт. В комплексе с этим созвездием рассматривались, как правило, и сопутствующие ему яркие звезды Сириус и Прочион. Последние, по-видимому, параллельно с формированием «звериного» круга на зодиаке вместе с окружающими их звездами также получили соответствующие животные интерпретации: соответственно Большого и Малого Пса.

Уже в начале третьего тысячелетия до н.э. перечисленный набор созвездий был хорошо известен практически во всех регионах Европы и Ближнего Востока, будучи в основных чертах единым и для Древнего Египта, и для шумерской цивилизации, и для древнейших культур Европы. Без существенных изменений он дошел и до нашего времени, что, вообще говоря, требует специального объяснения. Одним из вариантов такого объяснения может быть рассматриваемая далее схема эволюции астроморфных моделей, в ходе которой возникшие однажды интерпретации через соответствующие модели надежно фиксировались в коллективной памяти и культуре человечества практически уже навсегда.

При этом первичными были именно антропоморфные элементы звездной разметки, свидетельствующие о стремлении установления максимальных соответствий между человеческим земным миром и узорами звездного неба. В этом контексте вполне естественным представляется и формирование в указанный период земных аналогов звездного мира в виде астроморфных моделей различного вида и масштаба.

Таким образом, уже к началу IV тысячелетия до н.э. была сформирована базовая структура астроморфем, явившихся в последующем основой для самых различных вариантов астроморфного моделирования. Вопрос о том, где сформировалась такая структура, учитывая предполагаемое время ее появления, уже не может решаться исключительно на базе шумерской гипотезы. Наиболее вероятной локализацией области формирования базовой структуры астроморфем является циркумпонтийский регион (в первую очередь его северная часть), что вполне естественно следует из гипотезы об аналогичной локализации индоевропейской працивилизации [7].

Восточноевропейская астроморфная мегамодель

Результаты исследований, проведенных в последние десятилетия, свидетельствуют, что с середины VI тыс. до IV тыс. до н.э. в Восточной Европе происходило устойчивое культурно-историческое развитие, сопровождавшееся интенсивным освоением обширных пространств, прилегающих к циркумпонтийскому региону. Особую роль при этом сыграло приручение коня в ареале среднестоговой культуры, позволившее наряду с развитием речного и прибрежного первобытного судоходства существенно расширить ареал достижимых пространств [8]. В этом контексте вполне естественным выглядит формирование первичной астроморфной модели (рис. 3), позволившей достаточно эффективно решить, как минимум, следующие задачи:

- организация и смысловая дифференциация окружающего пространства, являющаяся в определенном смысле эквивалентом современного картирования земной поверхности;
- навигация в пределах охваченного моделью пространства;
- когнитивное освоение среды обитания.

Наиболее вероятным периодом формирования данной мегамодели можно считать V тыс. до н.э., когда уже сформировались первичные элементы соответствующей хронологической астроморфной карты, представленной на рис. 1.

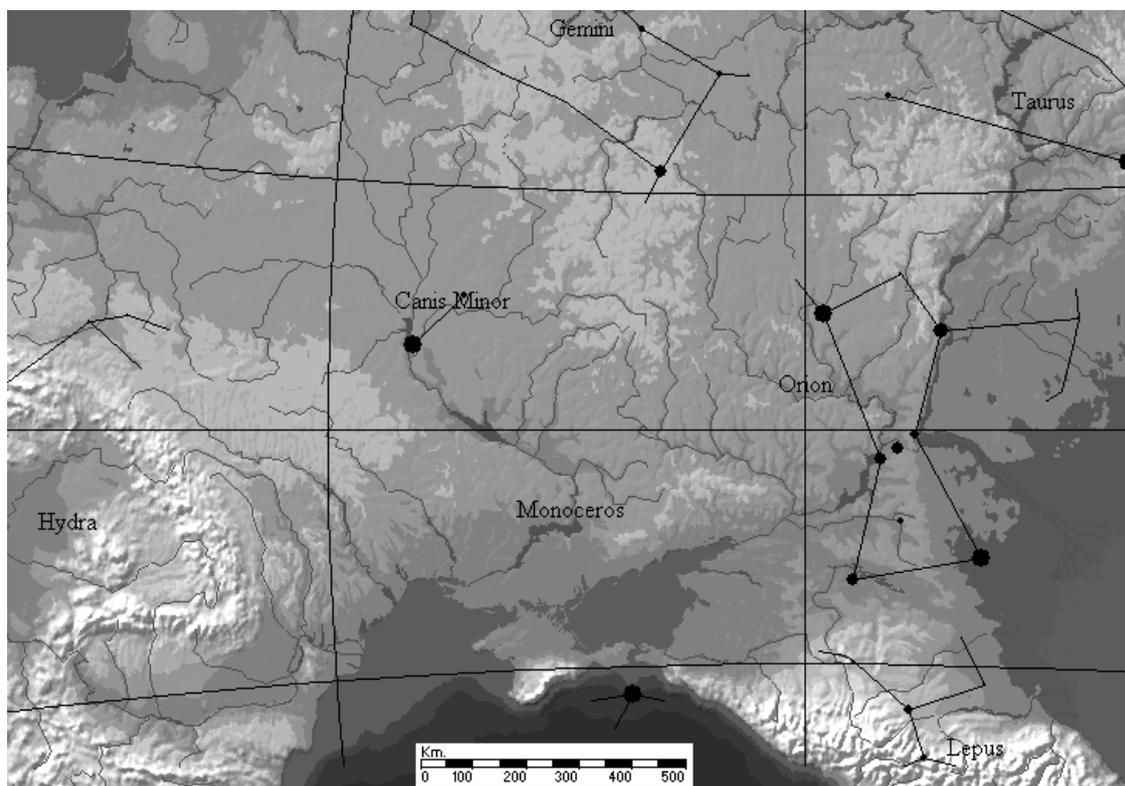

Рисунок 3 – Первичная восточно-европейская астроморфная модель, сформировавшаяся к IV тыс. до н.э. (угловой масштаб примерно 1:4)

Именно данный вариант восточно-европейской астроморфной модели стал основой формирования паневропейской модели (с первичным соответствием Франции созвездию Девы, Англии – созвездию Волопаса, стран Бенилюкса – созвездию Льва), что явилось следствием освоения всего европейского пространства в ходе индоевропейской экспансии в IV-III тыс. до н.э. [1].

Основными аргументами в пользу первичности именно этого варианта являются следующие:

Во-первых, наличие такого уникального первичного «элемента привязки» как хорошо освоенное с самого начала рассматриваемого периода X-образное волго-донское междуречье, которое стало в последующем основой для формирования целого семейства разномасштабных астроморфных моделей, включающих в качестве основного элемента X-образное созвездие Ориона.

Во-вторых, только в этом варианте созвездие Тельца довольно точно соответствует весьма характерных крутой изгиб Волги в районе Самарской луки, что явилось одним из основных факторов, определивших масштаб данного варианта модели.

В-третьих, только этому варианту соответствует наличие наибольшего числа характерных исторических «точек привязки» на территории Русской равнины: это и легендарная Тьмутаракань в районе Керченского пролива (Сириус), и Киев (Процион) с Черниговом (Гомейза), и Москва, расположение которой соответствует созвездию

Близнецов. Естественно, что все перечисленные исторические центры формировались в существенной степени одновременно и в единую систему в рамках данной модели могут быть сведены только в контексте устойчивой исторической традиции, существовавшей в различных формах на протяжении тысячелетий.

Звездная составляющая феномена Москвы

Характерным проявлением данной традиции является феномен Москвы, актуализация которого (возможно, не первая) произошла в XIV-XVI вв. Традиционные версии ее основания Юрием Долгоруким и последующего стремительного взлета исключительно благодаря удачному географическому положению не выглядят достаточно убедительными и не в полной мере объясняют суть и смысл данного феномена. Такая ситуация породила и продолжает порождать множество самых различных гипотез по данному поводу (см., например, [9, 10]).

В традиционной трактовке, например, совершенно не ясно, что именно могло привлечь того же Долгорукого в не очень приветливую болотистую и лесистую местность. Да и с точки зрения географического положения на то время имелось множество гораздо более выгодно расположенных городов. Поэтому, если отбросить обычную в таких случаях версию простой исторической случайности, то необходимо выявить такой исторический и/или когнитивный фактор, который на определенном этапе мог бы сыграть ключевую роль во всеобщем признании первостепенной значимости и первичности именно Москвы, а не какого-либо другого русского города.

Такой фактор явно обнаруживается исключительно в контексте взаимосвязи рассматриваемой астроморфной модели с хронологической когнитивной мегакартой (рис. 1), на которой расположение Москвы в созвездии Близнецов соответствует условной «точке сотворения мира» на зодиакальном круге. Анализ всего связанного с Москвой комплекса исторических сведений, символики и мифологии прекрасно подтверждает данную гипотезу. Объем статьи не позволяет привести полный объем соответствующей аргументации, поэтому ограничимся следующими аргументами:

Во-первых, сформировавшаяся к XVI в. конфигурация Кремля носит ярко выраженный астроморфный характер, повторяя в основных чертах традиционные контуры созвездия Близнецов (рис. 4). При этом собственно Кремль соответствовал той части созвездия, которая располагается выше эклиптики, а Китай-город – части, расположенной ниже. Характерно, что в XVI-XVII вв. преобладающий вариант картографического представления Кремля [11] в основных чертах совпадал с аналогичными изображениями созвездия Близнецов на звездных картах того времени.

Во-вторых, непосредственно зодиакальной «точке сотворения мира» соответствует район Красной площади между Спасской башней, Покровским собором и Лобным местом, причем эклиптика моделируется осью Красной площади, имеющей своим продолжением с одной стороны Ордынку (некогда главную дорогу на восток в Орду), а с другой – Тверскую (одну из главных магистралей старой Москвы). Именно на этой трассе появился первый мост через Москву-реку. И именно от Красной площади традиционно ведется отсчет расстояний на всех дорогах России. Следует также отметить, что Троицкая площадь перед Фроловскими (Спасскими) воротами Кремля (южная половина нынешней Красной площади), Лобное место и собор Святой Троицы на Рву (Покрова на Рву, Иерусалим, храм св. Василия Блаженного) образовывали особое символическое «Святылище», которое 150 лет (с 1550 до 1700 года) функционировало как место общенародных собраний, молитв и особозначимых церемоний [12].

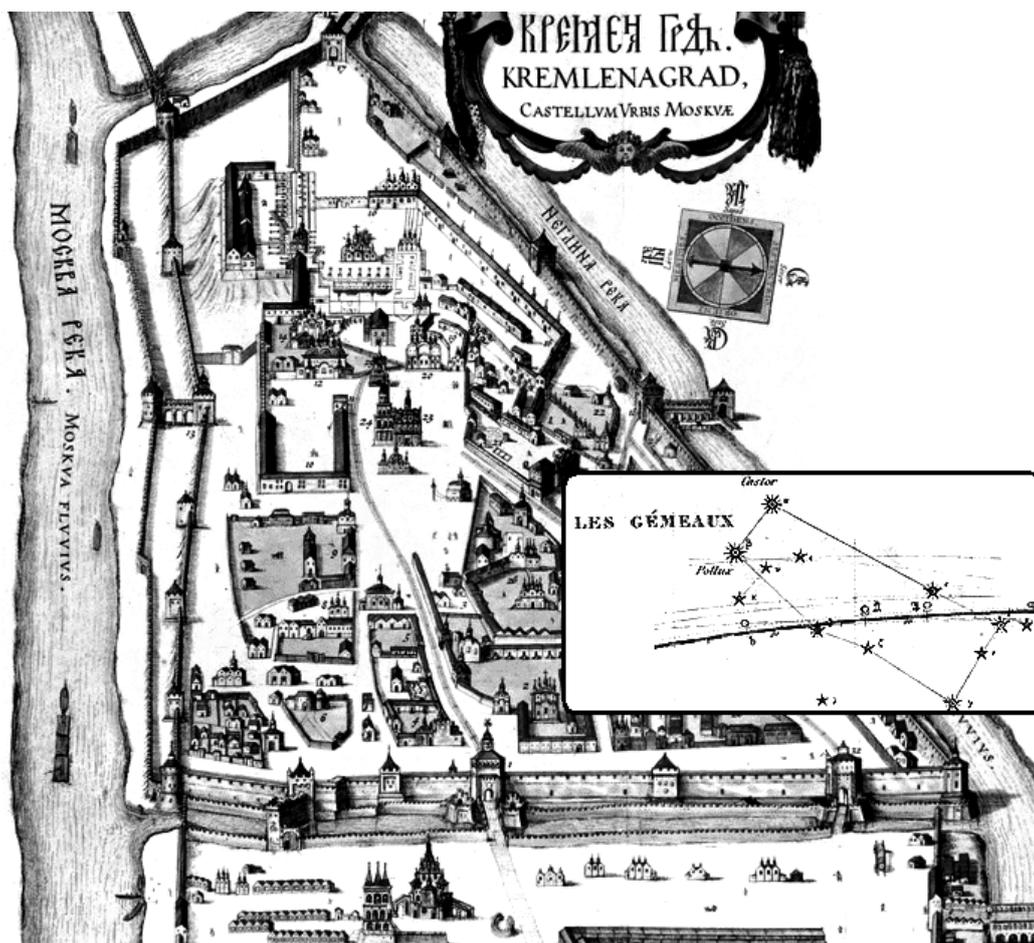

Рисунок 4 – Московский Кремль (по карте 1597 года) как астроморфная модель: в верхней части Боровицкая и Водовзводная башни соответствуют звездам Кастор и Поллукс, в нижней части Красная площадь соответствует участку эклиптики с исходной точкой зодиакального летоисчисления «от сотворения мира».

В-третьих, с символикой Близнецов и мифологией «сотворения мира» Москву связывает также и широко распространенная концепция ее формирования как Небесного Града [12]. Наиболее ранние из известных свидетельств такого рода относятся к началу XIII века, когда первым московским князем Владимиром Всеволодовичем впервые в Москве возводится каменный храм (1219-1221 гг., церковь святого Дмитрия Солунского), который как раз и призван был символизировать Небесный Град. Более крупный храм-символ был повторен на том же месте первым московским митрополитом Петром при строительстве Успенского собора (1326-1329 гг.). Впоследствии все крестные ходы в обязательном порядке завершались входом в городской соборный храм «якоже в Горний Иерусалим».

Известно также, что с середины XVI века в Москве начали создавать символ «Горнего Иерусалима» в масштабах всего города (см., например, [13, с. 235]). Тогда же появился и новый чин молений и входа Вселенской церкви-народа в город (Кремль) как в Небесный Град. А на Красной площади создали особое "Святылище", которое служило своеобразным "Храмом под открытым небом". В конце XVI века Москва была обнесена деревянным Скородомом, в котором было 12 главных ворот «как в Небесном Граде»: по трое ворот на четыре стороны. Многочисленные сады в Кремле и его окрестностях, наиболее употребимым названием для которых в тот период было «рай»,

должны были служить напоминанием о «первоначальном рае» времен «сотворения мира». Этой же цели служило и Лобное место, имитирующее Голгофу, как символическое место захоронения Адама – первого человека.

С Близнецами Кремль связывало первичное название его главных ворот, которые до того, как за ними закрепилось наименование «Спасские», именовались Фроловскими., т.к. рядом с ними в Кремле располагалась церковь близнецов Фрола и Лавра. Последние считались покровителями лошадей, и культ их во многом коррелирует с культом греческих «божественных всадников» Кастора и Поллукса. Первая в Москве скульптура, изображавшая всадника, которого лишь гораздо позднее стали отождествлять с Георгием Победоносцем, была установлена именно на Фроловских воротах. На этих воротах появились также и первые в Москве часы, «знаменитые во всем свете по своей красоте и устройству и по громкому звуку своего большого колокола». Примечательно, что циферблат их был покрыт лазоревой краской, изображавшей небосвод со звездами. При этом стрелка являла собой голубой неподвижный луч, а вращался пятиметровый циферблат. Вполне возможно, что в этих часах как раз и был воплощен символизм Москвы, как своеобразной пространственно-временной точки отсчета, вокруг которой вращался, отсчитывая время, небосвод.

В-четвертых, известно также, что контуры созвездия Близнецов присутствуют в гербе и планировке подмосковного имения Якова Брюса – одного из ближайших сподвижников Петра I. Этот факт также имеет существенное значение в контексте рассматриваемых вопросов, т.к. до создания Петербургской Академии наук астрономическими наблюдениями в России всерьез занимался фактически лишь Яков Вилимович Брюс. В его библиотеке были собраны почти все книги, относящиеся к астрономической литературе того времени. Брюс не только хорошо изучил астрономию, но и сам писал серьезные астрономические сочинения: в 1707 году им была опубликована карта звездного неба "Глобус небесный иже о сфере небесной...", в 1709 г. – знаменитый столетний "Брюсов календарь", в 1718 г. - "Брюсов планетник" и др. Он же перевел на русский язык книгу голландского физика и астронома Христиана Гюйгенса "Космотеорос", первое издание которой вышло в Москве в 1716 г. под названием "Книга мировоззрения, или мнение о небесно-земных глобусах и их украшениях". Ранее в 1700 г. Брюс оборудовал астрономическую обсерваторию в Сухаревой башне для открываемой здесь "Школы математических и навигацких наук" (ставшем фактически первым в Москве высшим учебным заведением), оснастил ее неплохим по тому времени инструментарием и в течение пятнадцати лет сам производил в ней астрономические наблюдения. В этой школе преподавали преимущественно практическую астрономию, необходимую для мореплавания, поэтому преподаватель школы Леонтий Филиппович Магницкий в изданном в 1703 г. в Москве учебнике "Арифметика сиречь наука числительная..." третью его часть посвятил описанию способов определения географических координат, чтобы то, что "к мореплаванию надлежит, в готовности явити" [14]. Этот факт напрямую указывает на одну из важнейших функций описываемых астроморфных моделей, связанную с решением именно навигационных задач.

Варианты восточноевропейской модели

Представленная на рис. 3 модель являлась основным и, скорее всего, единственным вариантом межрегиональной мегамодели до конца IV тыс. до н.э., когда в результате катастрофического подъема воды в Черном море (см., например, [7]) были уничтожены все прибрежные центры цивилизации энеолита, в т.ч. и предполагаемый главный ее центр в районе современного Керченского пролива. В последующем наблюдались многократные попытки возрождения здесь равнозначного центра как на

западном берегу пролива (например, столица Боспорского царства на месте современной Керчи), так и на восточном (например, легендарная Тьмутаракань на Таманском полуострове). Но, по-видимому, достичь масштабов влияния первичного центра им уже никогда не удалось, в связи с чем в циркумпонтийском регионе в дальнейшем появляется целое семейство земных аналогов «Царь-звезды» Сириуса, соответствующих различным вариантам масштабирования рассмотренной выше астроморфной мегамодели.

Особый интерес представляет вариант, представленный на рис. 5, где роль такого центра выполняет Херсонес (Корсунь). В связи с данным вариантом следует обратить внимание на следующие три характерных момента, связывающих Херсонес с Сириусом:

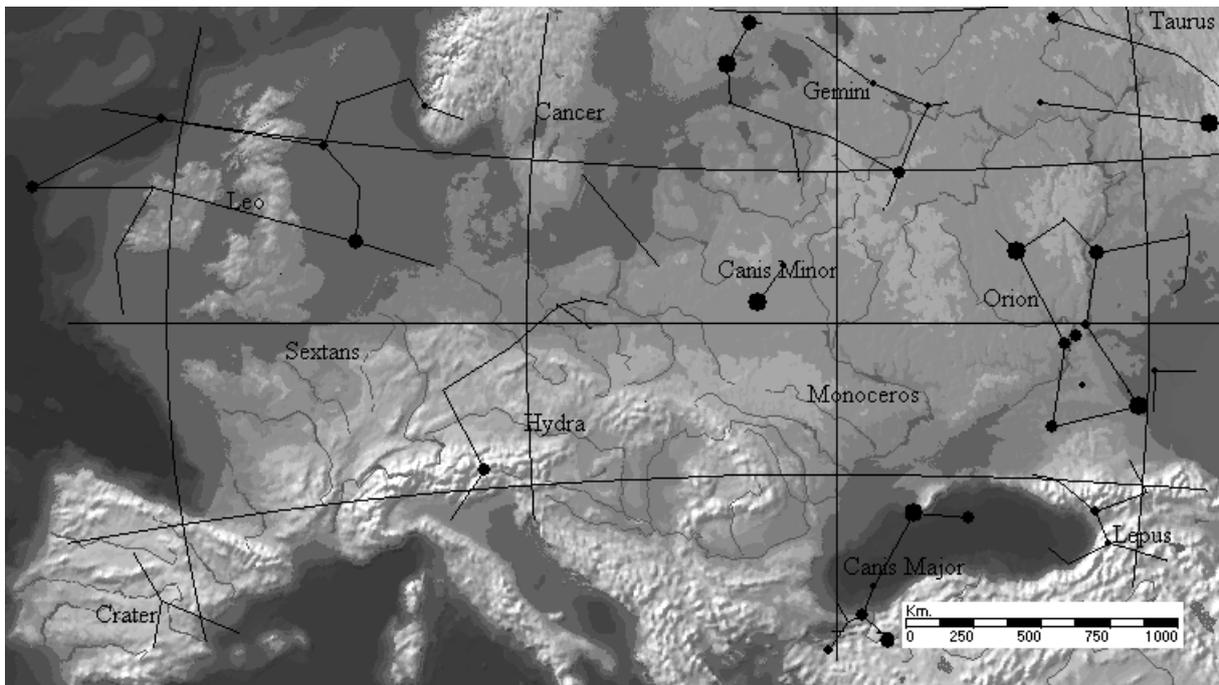

Рисунок 5 – Вторичная восточно-европейская астроморфная модель, сформировавшаяся после IV тыс. до н.э. (угловой масштаб примерно 1:3)

Во-первых, корневая основа названия города (ХРС/КРС) достаточно хорошо коррелирует с корневой основой названия звезды (СРС). Традиционно греческих вариант названия города производят от древнегреческого диалектного (!) слова *херсонес*, означающего «полуостров» [15, с.164]. Но смысл обычно используемого в русских летописях варианта названия Корсунь/Херсон был, по всей видимости, совершенно иным, связанным не только, и не столько с символикой Солнца (как склонны сегодня утверждать некоторые исследователи), сколько с Сириусом. Как известно, в языческом пантеоне Руси Хорс (корневая основа ХРС) почитался как небесный крылатый пес, что недвусмысленно указывает на созвездие Большого пса и его главную звезду Сириус. С этим понятием коррелирует также «хорт» – украинское название охотничьей собаки. А именно в качестве охотничьей собаки Ориона практически всегда фигурирует в мифологии созвездие Большого пса.

Во-вторых, в Херсонесе практически на протяжении всего периода его существования отмечается характерное преобладание культа Девы, основные черты которой во многом родственны древнеегипетской Изиде. Более того, и в самом Херсонесе, и в других городах Северного Причерноморья при раскопках неоднократно

обнаруживались изображения и статуэтки и самой Изиды [16, с.34]. А, как известно, Изида в Древнем Египте отождествлялась в первую очередь именно со звездой Сириус [17, с. 142].

В-третьих, выбор князем Владимиром именно Корсуня в качестве места крещения имел, по-видимому, особый символический смысл, связанный со специфическим статусом города, приближающим его по своей значимости к Царьграду/Константинополю.

В целом, при рассмотрении данного варианта астроморфной мегамодели следует отметить следующие ее особенности:

Первое, Киеву в этом случае ни одна яркая звезда не соответствует, но он располагается в самом центре Млечного пути, отождествляемого с Русью [1] и довольно часто в русской народной традиции называемого Киевской дорогой [18].

Второе, созвездие Малого пса (*Canis Minor*) в этом варианте модели соответствует местоположению Минска, упоминаемого под этим именем в летописях уже с 1067 года. Название города объясняют обычно его первоначальным расположением на реке Меня, получившей название от и.-е. *men («малый») [19, с. 270].

Третье, созвездие Тельца в этом случае соответствует менее выразительный, чем Самарская лука, но также весьма характерный изгиб реки Кама, впадающей в Волгу несколько выше по течению от Самары.

Четвертое, созвездие Близнецов в этом варианте соответствует район Новгорода и Петербурга, являющихся на разных исторических этапах своего рода конкурентами и альтернативами Москве.

Пятое, созвездие Льва при таком масштабе паневропейской астроморфной модели полностью соответствует Англии, что объясняет появление на определенном этапе и широкое использование львиных образов в ее национальной символике.

Среди других исторических городов, претендующих на роль Сириуса в астроморфной мегамодели, следует назвать в первую очередь Византий/Константинополь/Царьград и Афины, лежащие на продолжении прямой, соединяющей звезды пояса Ориона с Сириусом на первоначальной модели (рис. 6).

Такое смещение центра, соответствующего Сириусу, позволяло при существенных изменениях масштаба астроморфной модели оставлять неизменными ее ориентацию и использование волго-донского междуречья в качестве исходного элемента построения модели. При этом угловой масштаб модели (т.е. соответствие градусных расстояний на поверхности земной сферы градусным расстояниям звездной сферы) в случае Царьграда составляет примерно 1:1,5, а в случае Афин – 1:1. И именно последний вариант в определенном смысле являлся идеальным для использования в навигации, однако ввиду дефицита связанных с ним других достаточно примечательных точек привязки на земной поверхности он не получил широкого распространения. Но расцвет мореплавания в древнегреческий период связан, возможно, с использованием именно этой модели.

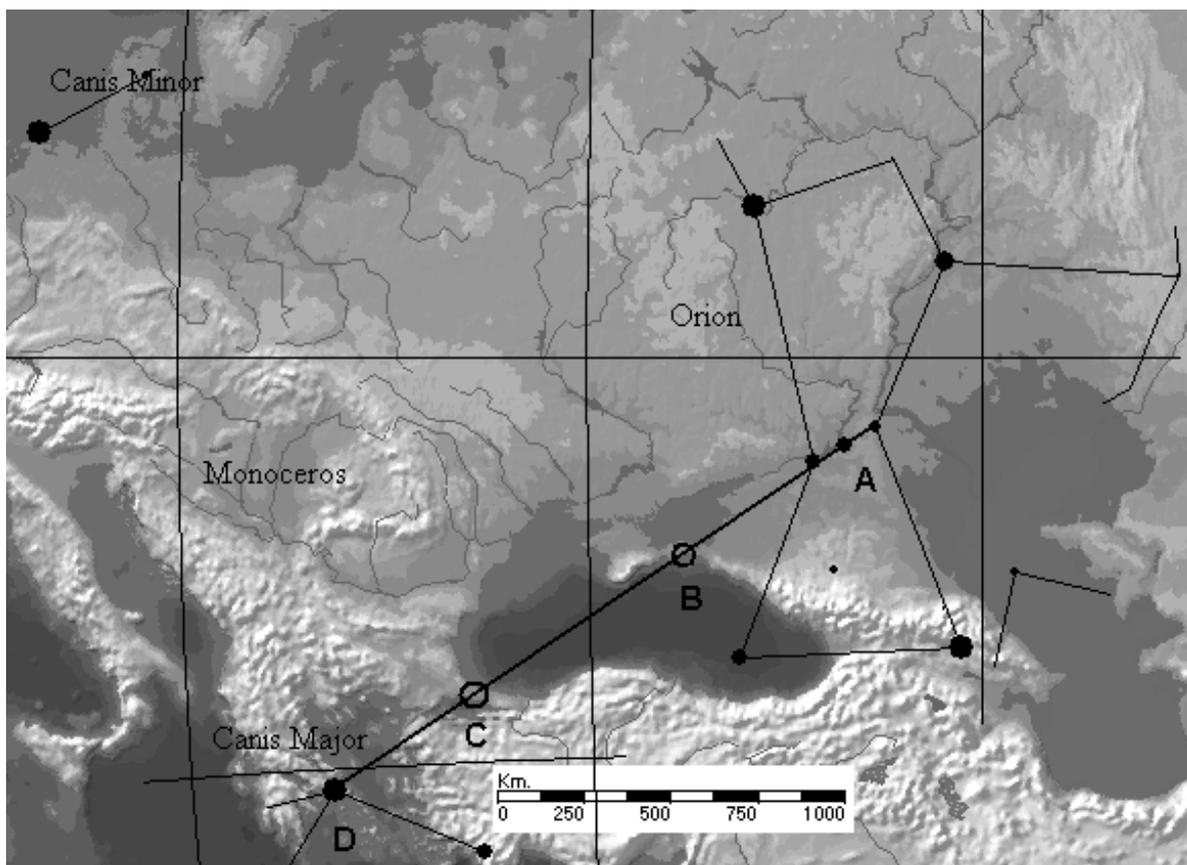

Рисунок 6 – Различные варианты расположения земных аналогов Сириуса, определяющие масштаб соответствующих вариантов восточноевропейских астроморфных моделей: А – первичный центр формирования астроморфной модели в междуречье Волги и Дона; В – первичный аналог Сириуса в районе Керченского пролива, ставший основой паневропейской модели в масштабе примерно 1:4; С – Константинополь (Царьград), масштаб модели 1:1,5; D – Афины, масштаб 1:1.

Во всех перечисленных городах связь с символикой Сириуса/Изиды прослеживается довольно отчетливо. О космических чертах культа Афины свидетельствует многое, например, легенда о том, что её изображение, т.е. палладий (отсюда Афина Паллада) упало с неба [20, с. 126], что может рассматриваться как прямое указание на астроморфный характер и самой Афины, и одноименного с ней города. При основании Константинополя из Рима туда была привезен монумент в честь Афины Паллады, доставленный в свое время из Афин [21, с. 38]. А у основания монумента был заложен также привезенный из Рима самый почитаемый римский талисман Палладиум [22, с.152]. Тесная связь образа Афины с Софией Константинополя и с Изидой, а последней – с Сириусом, сомнений практически не вызывает. На это, в частности, вполне отчетливо указывает Плутарх [23, с. 11, 21], отмечая, что древнеегипетское название Сириуса может звучать как Софис (Сотис), а значит и Константинопольская София – это прямое указание на Сириус.

Характерно, что линия DA на рис. 6 является одновременно и исторической границей, отделяющей Европу от Азии, а также соответствует специфической линии «золотого сечения», соединяющей Сириус и Плеяды (рис. 7).

При этом актуальность исходной модели, в которой району Москвы соответствует созвездие Близнецов, с различной степенью интенсивности могла проявляться на протяжении нескольких тысячелетий, достигнув максимума в XVI-XVII вв. нашей эры.

Реконструкция же самых ранних проявлений этой модели в действительности чрезвычайно затруднена, но, правда, не совсем безнадежна. Известно, в частности, что первые долговременные поселения в районе современной Москвы появились еще в эпоху неолита [24]. Интерес в этом плане представляет, например, Дьяковская стоянка V-IV тыс. до н.э., расположенная в районе Коломенского [25]. Прямым или косвенным подтверждением высказанных гипотез могло бы быть обнаружение каких-либо астроморфных проявлений в артефактах или планировочных решениях древних поселений на территории нынешней Москвы и ее окрестностей.

Пока же достаточно уверенно можно реконструировать лишь модели последнего тысячелетия. При этом следует отметить, что первоначально за регионом Москвы закрепилось соответствие Близнецам в рамках астроморфной модели, представленной на рисунке 3, и ставшей основой панъевропейской модели. Но впоследствии, начиная примерно с XIV века, на базе этого первичного соответствия сформировалась весьма специфическая модель с угловым масштабом 1:10, привязанная уже преимущественно к Москве и Владимиру. Актуализация этой модели происходила параллельно с актуализацией аналогичной западноевропейской астроморфной модели, имеющей такой же масштаб [1].

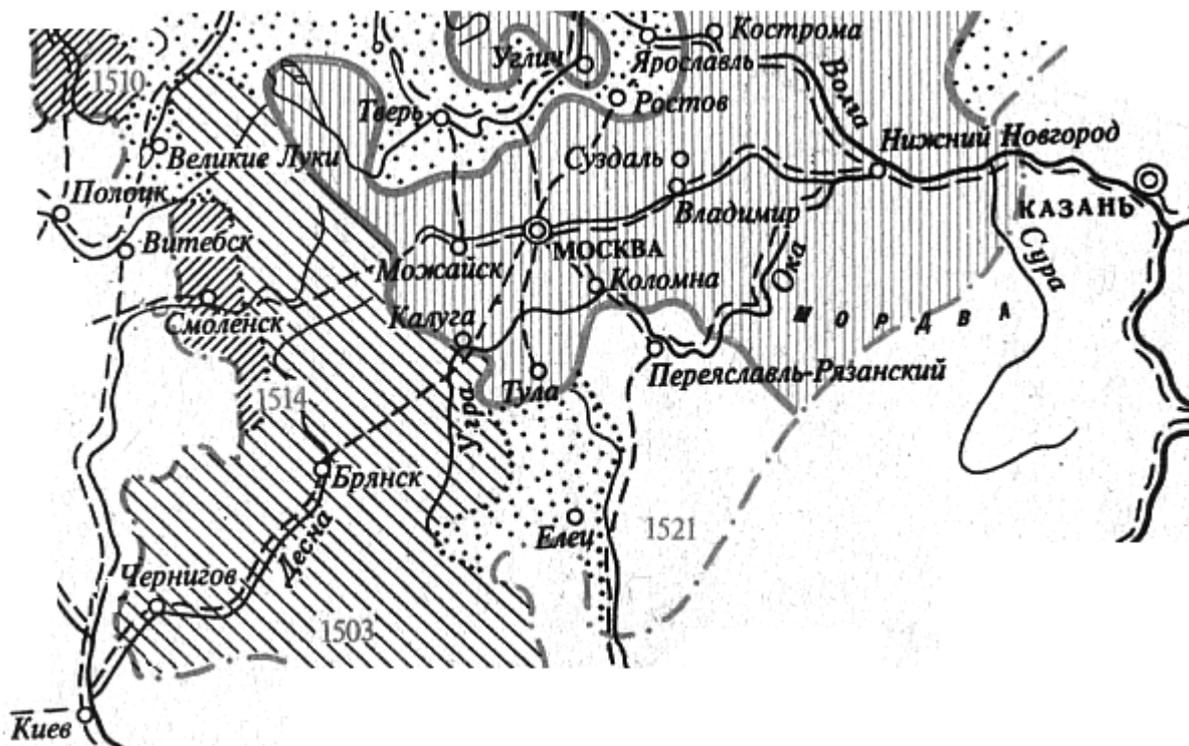

Рисунок 8 – Великое княжество Московское в XV-XVI вв. Вертикальной штриховкой обозначена территория княжества к концу XV века. Пунктирными линиями показаны главные торговые пути.

Основным элементом данной модели стал участок эклиптики от соответствующей Москве «точки сотворения мира» в созвездии Близнецов (рис. 1) до точки весеннего равноденствия XVI века, примерно соответствующей Казани. Непосредственной моделью эклиптики явился знаменитый Владимирский тракт, соответствующий важнейшему торговому пути, проходящему через Москву в

широтном направлении (рис. 8). Почти на всем протяжении от Москвы до Казани этот знаменитый тракт идет вдоль рек: вначале вдоль Клязьмы, затем на небольшом участке вдоль Оки, а после Нижнего Новгорода вдоль текущей на этом участке в широтном направлении Волги.

Особую значимость при этом имеет расположение Владимира и Суздаля, которые в рассматриваемой модели соответствуют так называемым «золотым воротам эклиптики», образуемым пространством между созвездиями Гиады и Плеяды (точка «2500BC» на рис.1 и участок SE на рисунке 7). Непосредственным обозначением точки прохождения эклиптической этого пространства являются знаменитые Золотые ворота во Владимире. Суздаль с его созвездием монастырей является в этой модели земным аналогом Плеяд.

Масштабные соотношения в рамках данной модели предполагаются следующие: угловое расстояние от Москвы до Владимира составляет примерно 3 градуса, что соответствует примерно 30-ти градусам эклиптики от центра созвездия Близнецов до центра созвездия Тельца, объединяющего Плеяды и Гиады, угловое расстояние от Москвы до Казани – примерно 10 градусов, что соответствует приблизительно 100-ти градусам эклиптики, включающим созвездия Близнецов, Тельца, Овна и Рыб.

В рамках данной модели становится понятным то особое значение, которое во времена Ивана Грозного придавалось взятию Казани: ведь только в этом случае земная модель эклиптики приобретала завершенность и единство. Отсюда же становится понятной и та целеустремленность, с которой российские пределы стали расширяться на восток в XVI-XVII вв. Фактически в данном случае наблюдался процесс, аналогичный западноевропейским Крестовым походам «по стезе Господней», сакральные истоки которых также следует искать в контексте соответствующих астроморфных моделей и сопутствующих им усилий по «стяжанию Царства Небесного на земле». Человек в этом случае должен рассматриваться не просто как элемент жизни во Вселенной, а как ее наиболее активная часть, стремящаяся к ее воспроизведению вначале в земных масштабах, а в дальней перспективе – в космических.

Литература

1. Аноприенко А.Я., Джура С.Г. «Что на небе, то и на земле» (астроморфный фактор в истории цивилизации) // «Дельфис». Журнал Благотворительного Фонда сохранения и развития культурных ценностей «Дельфис», 2005, №3 (43), с.77-83.
2. Ovenden M.V. The Origin of the Constellations // The Philosophical Journal. V. 3, N 1. P. 1-18.
3. Гурштейн А.А. Реконструкция происхождения зодиакальных созвездий // В кн. «На рубежах познания Вселенной». Под редакцией А.А.Гурштейна. – М.: Физматиздат, 1992. – С. 19-63.
4. Аноприенко А.Я. Когнитивные мегакарты: опыт реконструкции культурообразующих моделей и образов мира // Научные труды Донецкого национального технического университета. Выпуск 39. Серия: Информатика, кибернетика и вычислительная техника (ИКВТ-2002): - Донецк: ДонНТУ, 2002. - С. 206-221.
5. Gary D. Thompson. Critique of Alexander Gurshtein's Theory of Constellation Development <<http://members.optusnet.com.au/~gtosiris/page9c.html>>
6. Мамуна Н.В. Зодиакальная мифология. Зодиак мистерий. – М.: Алетея, 1998. – 437 с.

7. Аноприенко А. Я. Модельная и компьютерная поддержка принятия решений в ситуации когнитивного конфликта: рассмотрение на примере сравнительного анализа гипотез о локализации Атлантиды Платона // Научные труды Донецкого национального технического университета. Выпуск 52. Серия "Проблемы моделирования и автоматизации проектирования динамических систем" (МАП-2002): Донецк: ДонНТУ, 2002. – С. 177-243.
8. Энтони Д., Телегин Д.Я., Браун Д. Зарождение верховой езды // "В мире науки", No. 2 (февраль), 1992, с.36-42 (перевод из "Scientific American", December 1991, Vol. 265, No.6).
9. Минц М. Коллекция легенд об основании Москвы / "Первое сентября", № 29, 2001. <<http://testan.narod.ru/article/osnovanie.htm>>
10. Шокарев С.Ю. История Москвы (Интернет-проект). <<http://www.clio.orc.ru/introduc.htm>>
11. Старые карты Москвы. Часть I. Древнейшие планы Москвы. Конец XVI-начало XVIII века. <<http://testan.narod.ru/karty.htm>>
12. Мокеев Г. Русская цивилизация в памятниках архитектуры. <<http://www.voskres.ru>>
13. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Москва в свете новой хронологии. –М.: Вече, 2004. – 480 с.
14. Абалакин В.К., Карпеев Э.П., Положенцев Д.Д. Русская астрономия в "допулковский" период. <http://www.gao.spb.ru/russian/history/1_obs.html>
15. Коваль А.П. Знайомі незнайомці: Походження назв поселень України. – К.: Либідь, 2001. – 304 с.
16. Зубарь В.М., Павленко Ю.В. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси.- Киев: Наукова думка, 1988. – 208 с.
17. Мамуна Н.В. Зодиакальная мифология. Семь небес древнего мира. – М.: Алетея, 2000. – 352 с.
18. Тульцева Л. Народные названия Млечного пути в среднерусской полосе России // В кн. «Астрономия древних обществ» [Материалы конференции «Астрономия древних цивилизаций» Европейского общества астрономии в культуре (SEAC) в рамках Объединенного Европейского и Национального астрономического съезда. Москва, 23-27 мая 2000 г.]. – М.: Наука, 2002. С. 280-284.
19. Поспеев Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. – М.: Русские словари, 2001. – 512 с.
20. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т./ Гл. ред. С. А. Токарев.—М.: Сов. энциклопедия, 1991 - Т.1.- 671 с. с ил.
21. Петросян Ю.А. Древний город на берегах Босфора. –М.: Наука, 1986. – 240 с.
22. Дэвис Н. История Европы. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 943 с.
23. Плутарх. Исида и Осирис. – Киев: «УЦИМ-ПРЕСС», 1996. – 250 с.
24. Кренке Н.А. Памятники предыстории Москвы. Иллюстрации // Портал «Археология России» <<http://www.archeologia.ru/Library/Image/662ba928c0b8/show/pic6>>
25. Моховой А. "Совсем не про Коломенское", или история одной ненаписанной статьи <<http://www.mohovoy.ru/altmoscow/pramoscow.htm>>

Как правильно ссылаться на данную статью:

Аноприенко А.Я. Русская равнина в отражении космоса // «Дельфис». Журнал Благотворительного Фонда сохранения и развития культурных ценностей «ДЕЛЬФИС», 2006, №2 (46), с. 67-75.